

В ТЕБЕРДИНСКОМ ЗАПОВЕДНИКЕ

(Цикл стихотворений)

* * *

В чащобе неподвижная вода
Окаменела в сумрачном покое.
Между стволов, как тёмная слюда,
Она блестит под лапчатою хвоей.
В сырой тени замшелый камень хмур,
Здесь солнца луч таинственен и редок...
И, кажется, сейчас в обрывках шкур
Из тьмы веков появится наш предок.
Зажав в руке отточенный кремень,
В густой траве скользнув упругой массой
Он промелькнёт неслышно, точно тень,
Преследуя испуганного барса.
Когда бы не настойчивый гудок,
Что дал шофёр, скучающий в машине.
Поверить я б и в самом деле мог,
Что к утру мира перенёсся ныне.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Гроза прошла... Раскаты грома глуше.
Охотник-ветер вышел на простор.
Как снятую с медведя шкуру, сушит
Обрывки туч он на вершинах гор.

По седине их, брошенной на кручи,
По густоте, по пышности
теперь
Поймёшь ты вдруг, каким он был могучим —
Прошедший десь расвирипевший зверь

УТРОМ

Кора ободрана у кедра,
Трава примята у корней.
На высоте трёх с лишком метров
Глубокий след стальных когтей.

Корявый ствол измазан глиной
И шерстью бурой, как медь,
Где об него сегодня спину
Чесал проснувшийся медведь.

Потом, поднявшись, рост свой мерял.
Кору сдирая со ствола,
И терпкий, острый запах зверя
Хранит кедровая смола.

ОРЛЁНОК

Я нашёл орлёнка. Между скал
Писк его едва касался слуха.
Он, должно быть, из гнезда упал,
Весь ещё покрытый светлым пухом.
Взял его я в лагерь. Так и жил
Он у нас до осени в палатке.
Быстро рос и набирался сил,
От орлов наследуя повадки.
Стал летать. Но каждый раз на зов
Всё же возвращался неизменно.
Был со мной и нежен и суров,
Тёрся клювом о моё колено.
А когда засеребрился лист,
Первый раз морозом опалённый,
Улетел крылатый альпинист.
В синеву бездонную влюблённый.
Минул год. Я снова побывал
На Кавказе, близ Домбай-Ульгена.
Наша группа шла на перевал,
Огибая северные стены.
Ветер креп, сухая стужа жгла,
Облака разорванные плыли...
Вдруг на снег передо мной легла
Тень двойная распостёртых крыльев.
Я взглянул: над низким гребнем гор
Плыл орёл широкими кругами.
И, казалось, тоже на Клухор
Путь его вверху лежит над нами.
Свистнул я — он сразу сел на снег.

И, смешно взъерошив перья щёткой,
Не спеша направился ко мне
Детской неуверенной походкой.
К изумленье спутников моих,
Что глазам отказывались верить,
Я ласкал волну его седых,
Лёгкой чернью обведённых перьев.
Но прошла минута. Снова он
Взмыл над нами к голубому своду...
Видно, вправду, кто орлом рождён,
Крепко любит дружбу и свободу.

ГОСТЬ

Вьюга стихла. И в лесу волнистый
Снег сверкает и слепит глаза...
Подошла к палатке альпинистов
Дикая кавказская коза.
Пригревает,— оттого над нами
Тонкий пар клубится,— а она

С любопытством трогает губами
Складки ледяного полотна.
Но, должно быть, запах ей доносит
Весть о том, что рядом — человек.
Миг один — и вот летит меж сосен
Тень её и падает на снег.
Милая! Напрасная тревога:
Для того-то мы и здесь теперь,
Чтоб тебя в родных горах не трогал
Никогда ни браконьер, ни зверь.

КАПКАН

Капкан нашёл я около реки,
Вблизи тропы, ведущей к водопою.
Над ним чуть шелестели тростники
Да изредка роняли сосны хвою.
По ржавчине его тугих пружин,
По крепости всего стального тела,
Увидел я, что он давно служил,
Но всё ещё пригоден был для дела.
Тогда капкан к обрыву я отнёс.
И со скалы, похожей здесь на стену,

Пинком ноги отправил под откос,
В клокочущую бешеную пену.

На дне реки лежит капкан теперь,
Песком заносит смертоносный клапан...
Как небольшой, но очень злобный, зверь
Он впился в грунт своей железной лапой

В ЛЕСУ

Глухой овраг, валежник, бурелом,
В седых накрапах дымчатая хвоя.
А снег глубок, как тишина кругом
Ничем ненарушимого покоя.

У старой, накренившейся сосны
Берлогу зверя замели метели.
В морозной мгле до плеч занесены
Пушистым снегом тоненькие ели.

Спи, старина! Законный твой покой
Не потревожу, друга не обижу.
И новый снег легко завьёт за мной
Широкий след подбитой мехом лыжи.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Мы встретились два раза в дебрях Малки.
Я шёл тропой, был дикий камень гол.
Как вдруг в лесу, на правом склоне балки,
Вскочила рысь на сбитый бурей ствол.

Вокруг него трава была примята.
И в утренней упругой тишине
Играли полосатые котята,
На материнской ползали спине.

Я сделал вид, что не заметил встречи.
Спокойно шёл, не сняв ружья с плеча.
А зверь смотрел мне вслед по-человечьи.
Лишь изредка отрывисто урча.

Второй раз, помню, истомлённый зноем,
Сыграв со смертью в этот день вничью,
Я отдыхал, охваченный покоем,
Припав губами к звонкому ручью.

Усталость ли сломила, иль дремота,
Но я уснул... Вдруг в чутком полусне
Внезапно я почувствовал, что кто-то
Тут есть ещё, с кем я наедине.

Тропинка круто обрывалась к броду.
А в двух шагах, у редких камышей,
Большая рысь лакала жадно воду
И вздрагивали кисточки ушей.

Узнал ли зверь меня по первой встрече, —
Загадкой остаётся и сейчас.
Но рядом он со мной провёл тот вечер,
Как будто дружба связывала нас.

КЕДРЫ

Они стоят закинув головы,
И словно грезят наяву.
Плывут вершины их лиловые
В сияющую синеву.

Как будто над снегами тальми
Здесь солнце разожгло костёр,
И дым, высоко встав над скалами,
Свой пышный полог распростёр.

В его густом и пряном мареве,
В горячем запахе смолы,

Одело утро мирным заревом
Великолепные стволы.

А мы,— строители и зодчие,—
Разбив палатки подле скал,
Свой город видим здесь воочию
Таким, каким в мечтах он стал:

Колоннами вздымаясь стройными,
Он строг и чист, как наша жизнь.
Друзья мои! Ведь нынче строим мы
Не только город,— коммунизм.

ОТДЫХ В КЛУХОРИ

Весёлое грузинское вино
Хозяином гостям поднесено.
Немало нас, но хватит тут для всех:
Тяжёл тугой, вином налитый, мех.

Вот старший поднимается из нас,
Заслуженный инструктор — скалолаз.

Он говорит: «Я русский, ты — грузин.
Но путь и труд и отдых наш — один.

Из одного мы рога вместе пьём,
Одной дорогой в коммунизм идём».

Поблизости шумела Теберда,
Летела ввысь скалистая гряда,

И нам казалось: каждая из скал
Возносит к небу каменный бокал.

Он искрится, он полон до краёв
Тончайшей пены летних облаков.

Как будто бы приветствует всех нас
Заздравным тостом Северный Кавказ!